

Эдварду Кристоферу Макдональду

Человек с кинжалом из Свистящей бухты

*Из неизданных мемуаров Уайлдера Харлоу
Июнь, 1989*

Я смотрю на себя в зеркало в ванной и думаю о любви, потому что планирую влюбиться этим летом. Только не знаю, как и в кого. Город сегодня превратился в горячий гудронный котел. Должен же быть в Нью-Йорке кто-то... Вот бы я не так странно выглядел. Я даже не хочу взаимной любви, мне просто интересно, каково это. Строю рожи в зеркале и выпячиваю нижнюю губу так, что она выворачивается наизнанку. Потом оттягиваю нижние веки, и становится видно алое нутро.

— Привет, — говорю зеркалу. — Я люблю тебя.

Я вскрикиваю, когда в ванную без стука врывается мама.

— Мама! Можно немного уединения?!

Из-за трубы выбегает встревоженный таракан и уносится по разбитой плитке по стремительной прямой, буд-то его тянут на леске.

— Хочешь уединения — запирай дверь. — Она хватает меня за руку. — Пойдем, мартышка. Большие новости.

Она тащит меня в гостиную, где, словно дикий лев, ревет кондиционер. Отец держит в руках лист бумаги.

— Завещание утвердили, — провозглашает он. — Коттедж наш.

Листок дрожит: не знаю, из-за кондиционера или потому, что у него трясутся руки. Вид у него измученный. Мне кажется, плохие и хорошие события влияют на лю-

дей примерно одинаково, если слишком сильно на них реагировать.

Отец снимает очки и протирает глаза. Дядя Вернон умер в апреле. Папа и правда любил его. Каждое лето он приезжает в гости — то есть приезжал. Мы к нему никогда не ездили.

— Вернон сухарь, — всегда говорил отец. — Совсем не любит женщин и детей.

Дядя Вернон был последним по мужской линии. У нас, Харлоу, не очень хорошо с выживанием, так что дядя Вернон переплюнул всех: он дотянул до семидесяти.

— Нам нужно прямо сейчас выставить его на торги, — заявляет отец. Постараться продать, пока лето в разгаре. — Я понимаю. Все всё понимают. Из щели для писем постоянно падают красные конверты.

— А знаешь что, — внезапно говорит мама. — Давай сначала съездим туда, а? Прежде чем продавать...

— Что? — отец все еще протирает очки. Его близорукие глаза совсем покраснели.

— Давайте устроим себе отпуск, — предлагает мама и убирает за ухо несуществующую прядь. Это явный признак, что она взбудоражена. Мы не были в отпуске с той поездки в Рехобот-Бич¹, когда мне было семь. — Что скажешь, Уайлдер?

— Звучит вроде как весело, — с сомнением отвечаю я. Кажется, побережье океана — это идеальное место, чтобы влюбиться. К тому же, если мы поедem в отпуск, мама с папой, может быть, перестанут ссориться. Они думают, что я не слышу, но я слышу. Иногда по ночам шепот звучит громче, чем крик.

— Ты заслуживаешь отдыха, мартышка, — шепчет она. — Мы так тобой гордимся.

¹ Р е х о б о т - Б и ч — курортный город на берегу Атлантического океана в Делавэре, США.

Вчера нам позвонили: Подготовительная школа Скоттсборо продлевает мою полную стипендию на обучение. Я терплю, пока мама обнимает меня. На самом деле под конец года в Скоттсборо все стало совсем плохо. Я был на грани срыва: старался добегать до кабинетов как можно быстрее, чтобы меня не поймали, брал с собой учебники в столовую, чтобы не встречаться ни с кем глазами. Так я мог хотя бы притворяться, что не слышу их разговоров. У меня по рукам пошло раздражение, и оно постоянно болело, потому что мне каждый день приходилось выжимать из одежды воду из туалета, отбеливатель или еще что похуже.

Стипендия позволяет посещать Скоттсборо, которая на самом деле очень дорогая. Мне нужно продержаться всего пару лет. Когда-нибудь это закончится. *Просто держись*, — повторяю себе снова и снова. Я пойду в колледж, и тогда все станет по-другому. Я буду писать книги.

Я не рассказываю своим родителям о том, что происходит в Скоттсборо. От этого их отношения могут только ухудшиться.

Мы выезжаем из города теплым июньским вечером, который обещает очередной знойный день, и едем по лесу. Мы будто прокручиваем сезон обратно и пронизываем время, потому что чем дальше движемся на север, тем моложе и прохладнее кажется лето.

Под конец дня мы съезжаем с шоссе. Трава становится выше и зеленее. Попадаются полевые цветы, которых я раньше не видел, слышно стрекот сверчков. Теплый воздух наполнен солью.

Спускается вечер, и мы подъезжаем к подножию зеленого холма, изрезанного щебневой дорогой. Коттедж пристроился на самом отшибе, будто чайка на скале. Потая, мы поднимаемся по зеленой полоске земли, и наши чемоданы оставляют следы в сухой траве. Дом огорожен

белым штакетником с воротами. Он обшит белыми досками с голубыми ставнями на окнах, и я думаю: *никогда в жизни не видел ничего более опрятного и аккуратного*. Крыльцо выложено рядами ракушек, а над дверью висит посеребренная изогнутая коряга. Вокруг шумят деревья сахарного клена, а из-под них доносится какой-то высокий писк: протяжный и пронзительный звук, похожий на плохое пение.

Тогда я впервые слышу его — свист, в честь которого и названа бухта. Он напоминает о том, во что не положено верить, — о русалках, шелки¹ и сиренах.

Я чувствую, как мне на плечо ложится мамина рука.

— Пошли в дом, Уайлдер, — говорит она, и я понимаю, что стою как вкопанный с открытым ртом.

— Что это за звук? — Почему-то кажется, что он идет у меня изнутри.

Отец на секунду останавливается, не до конца прокрутив ключ в замке.

— Это камни на пляже. Прилив их подтачивает и проделывает небольшие дырочки, похожие на отверстия для пальцев во флейте. Когда ветер дует с востока и проносится над океаном, он в них свистит. Чистый звук, правда?

— Жутковатый, — признаюсь я.

— Если подумать, — говорит отец, — дядю Вернона тоже нашли в жутковатом виде. Он просто сидел на этих камнях, которые всю свистели вокруг него, и смотрел перед собой. Как будто его забрали раньше времени и Свистящая бухта засвистела его до смерти...

— Придурок, — бормочу я, заходя вслед за ним в дом. Я знаю, что дядя Вернон умер в больнице от инфаркта.

Внутри дом голый и бело-синий — как берег, омытый океаном. У меня в комнате стоит односпальная кровать

¹ Шелки — мифические люди-тюлени из шотландского и ирландского фольклора.

под грубым шерстяным одеялом и расположено круглое окно, похожее на бойницу.

— Ночью держи окна закрытыми, — предупреждает отец. — Тут бывают взломы. С утра поставлю новые замки.

— И поосторожнее у воды, — нервно замечает мать. — Тут почти каждый год кто-то тонет.

— Да, дражайшая матушка.

Она хлопает меня по руке. Иногда она злится, когда я, по ее выражению, *хорохорюсь*, но в основном ее это радует.

Я открываю свою бойницу и засыпаю под шум камней и океана.

*

С утра просыпаюсь раньше родителей. Надеваю плавки и тут же понимаю, что они мне малы. Я порядочно вырос с прошлого лета. Я даже не подумал об этом, когда мы уезжали из Нью-Йорка. В итоге я надеваю обычные трусы и пару шлепанцев, хватаю полотенце и выскальзываю через заднюю дверь.

Красный мяч утреннего солнца сжигает последнюю туманную дымку моря. Я шагаю по дорожке, от сандалий отскакивает гравий, а полотенце перекинута через плечо.

Камешки на пляже уже нагрелись на солнце. Снимаю очки и аккуратно кладу их на большой валун. На автомате я стягиваю еще и трусы и захожу в море нагишом. Вода сразу заключает меня в свою стеклянную хватку. На секунду я пугаюсь: *быстрина?* Но море спокойное и холодное. Это как возвращение домой. И тут я думаю: *я человек моря и даже не знал об этом.* Даже под водой я слышу, как ветер поет в камнях. А еще слышу голос, который что-то кричит. Я выныриваю на поверхность и кашляю, с волос льется вода.

На берегу стоят парень и девчонка. Думаю, они примерно моего возраста. На ней комбинезон и большая

шляпа с широкими полями. У нее рыжие волосы почти неестественно насыщенного цвета, как кровь. На руке мужские часы, золотые и очень громоздкие. Они слишком большие, и ее запястье в них кажется совсем тонким. *Черт, это было быстро*, — думаю я, потому что уже влюбился.

Тут я замечаю, что она держит в руках: это длинная палка, с конца которой свисает мое белье. Она с отвращением морщит нос.

— Что за извращенец оставил свои трусы прямо на пляже?

Ее презрение идеально сочетается с акцентом — англичанка. И не из той породы загорелых, которые толпятся на Таймс-сквер. А из той, что, как я думал, существует только в кино. Аристократка.

Ветер вздымает ткань моих шорт и наполняет их. На секунду мне кажется, что я по-прежнему в одежде — невидимый, плавучий, пригвожденный ко дну.

— Эй, — кричит парень, — он не знал, что тут есть кто-то еще. — *Еасть*. Тоже британец? Он высокий, и у него спокойное, открытое лицо. *Такие, как он, получают всех девчонок*, думаю я. Будто в подтверждение моих мыслей, он кладет руку девчонке на спину. — Отдай, Харпер.

Харпер — странное имя для британки, но ей идет. Может, ее родители фанаты чтения.

Она неохотно опускает перед ним палку. Он снимает рубашку, срывает мои трусы с конца палки и заходит по пояс в воду. Кажется, он не против замочить шорты.

— Стой здесь, — кричит парень. — Я сейчас вернусь.

Длинными и медленными гребками он доплывает до середины бухты, где торчит моя голова.

— Вот, держи. — *Уот, держии*. Не британец. Он отдает мне трусы. А потом плывет обратно к берегу. Я ка-

кое-то время сражаюсь с трусами, пытаюсь под водой попасть ногами в дырки. А потом бесконечно долго плыву к берегу.

Парень разговаривает с девчонкой, и она смеется. Меня охватывает паника: *они что, смеются надо мной?* Но он нежно кладет руку на спину Харпер, разворачивает ее в другую сторону и показывает куда-то вдаль, на скалы. Я понимаю, что он снова проявляет великодушие и позволяет мне выйти из воды без лишних свидетелей.

Я дрожу и кутаюсь в полотенце. Мне показалось, что этим утром здесь было как-то по-особенному, но нет. Мир везде одинаков. Точь-в-точь как в школе.

— Увидимся, — кидаю я им и ухожу по тропинке. Чувствую их взгляды у себя на спине и начинаю взбираться вверх по склону. Камни не прекращают злобно свистеть, и я стараюсь поскорее убраться с их глаз и от этого звука, которые как будто дополняют друг друга. Иду прямо домой и еще долго не выхожу. Я остаюсь внутри после того, как они поднимаются с пляжа и проходят мимо коттеджа; остаюсь и после того, как их шаги затихают где-то посреди холма, на полпути к дороге.

Интересно, какие между ними отношения: встречаются ли они, было ли у них *это*? Но я слишком мало знаю об *этом*, чтобы определить на глаз. Он прикасается к ней с привычной непринужденностью, но они ведут себя недостаточно романтично — не так, как я ожидал после всех просмотренных фильмов.

Здесь я планировал вести дневник каждый день. Но я не хочу записывать то, что случилось сегодня утром. Несколько раз умываю лицо ледяной водой перед завтраком, чтобы мама и папа не увидели ни красных кругов под глазами, ни каких-то других признаков слез.

Я так отчаянно хочу домой, что почти ощущаю это желание на вкус. Вспоминаю свое насиженное место в го-

родской библиотеке в конце одного из длинных столов и лампы под зелеными стеклянными абажурами, отбрасывающие круги теплого света. Там можно разобраться со всем на свете.

— Поехали, чемпион, — говорит мне отец. — Отличная возможность выбраться. Не будешь же ты сидеть у себя в комнате все каникулы.

Так что я отправляюсь с ним за покупками в Кастин¹. Что еще остается делать?

Я жду, пока он закончит свои дела на почте, и тоскливо смотрю на мешки с кормом для птиц, сваленные у центрального магазина. Мой взгляд продолжает бесцельно блуждать по главной улице. Иногда проводить время с семьей очень одиноко.

С другой стороны улицы, напротив жизнерадостного бело-синего магазинчика, со скрипом тормозит пикап. «Свежая рыба» — гласит надпись сбоку. Грузовик весь ржавый и побитый — обшивка продавлена и почти прорвана в местах бывших столкновений. *Видимо, алкаш*, — со знанием дела думаю я. Мне на ум приходят строчки: «Жизнь у моря так же безжалостна к краске, как и сурова к душе». Может быть, потом запишу.

Из грузовика выпрыгивает тощий человек в куртке. Он нагружает себя холодильниками и ящиками, и через секунду до меня доносится запах сырой рыбы. Я с интересом наблюдаю за мужчиной в куртке. Он держится очень свободно и разгружает грузовик быстрыми отточенными движениями, время от времени сплевывая в канаву струнку коричневого сока. *Человек моря*, — думаю я. Он потрепан всеми ветрами, и у него коричневая, будто обувная, кожа, но его теплые голубые глаза разительно выделяются на усталом лице. Я представляю, как он

¹ К а с т и н — город на востоке штата Мэн, США.

живет прямо у воды в дощатой лачуге, отполированной и посеребренной ветром и солью, и каждый день садится в свою лодку еще до рассвета. Какая-то трагедия таится в его прошлом, я в этом уверен. У него суровый, печальный взгляд, как у ковбоя в вестерне. Только он морской ковбой, а это даже круче. Я отступаю под тень маленькой аллеи. Не хочу, чтобы он заметил, как я глазею.

Звонит колокольчик, из бело-синего магазинчика выходит молодая женщина и ласково с ним здоровается. Он кивает в ответ. У нее опухшие глаза и красный нос. *Она плакала*, — понимаю я, и меня охватывает внезапное сочувствие. Или, может, она простудилась. Женщина от души высмаркивается и убирает в карман бумажный платочек. Потом относит ящики внутрь, каждый раз проходя через звенящую дверь. А когда возвращается, пустые ящики свисают у нее с предплечья. Каждый ее уход и каждое появление сопровождаются веселым колокольчиком. Это не простуда, она точно плакала. На ее лице сверкают новые слезы. Она незаметным движением их стирает.

— Мне жаль, — говорит она рыбаку, как будто чем-то его обидела. Мужчина мягко кивает. Это слово полно тоски, а его молчание словно немой ответ. *Может, они были любовниками*, — с восторгом думаю я. — *Может, он ее бросил*.

Когда содержимое всех двенадцати ящиков оказывается внутри, женщина передает ему стопку банкнот. Он забирает их и возвращается к грузовику. Когда она заходит в магазин, бумажный платочек выпадает у нее из кармана. Он, видимо, замечает это краем глаза, потому что резко оборачивается и подбирает его, прежде чем его успеет унести ветер. Я понимаю, насколько это чуткий и смиренный жест — забрать себе платок плачущей девушки, чтобы его не сдуло по улице в море.

Как будто почувствовав мой взгляд, мужчина оборачивается и смотрит по сторонам. Его глаза вспыхивают, остановившись на мне, и он заодно улыбается.